

Серкин Валерий Викторович

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Статья рассматривает проблему взаимодействия общественного мнения и верхних властных эшелонов. В основном, анализируется ситуация, определяемая демократическим контекстом. Ставятся и освещаются такие вопросы как роль общественного мнения и его учет при определении стратегии проводимых в России реформ; корреляция демократических процессов в новейшей России и восприятия демократических ценностей российским массовым сознанием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 168-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 32.019.5

Статья рассматривает проблему взаимодействия общественного мнения и верхних властных эшелонов. В основном, анализируется ситуация, определяемая демократическим контекстом. Ставятся и освещаются такие вопросы как роль общественного мнения и его учет при определении стратегии проводимых в России реформ; корреляция демократических процессов в новейшей России и восприятия демократических ценностей российским массовым сознанием.

Ключевые слова и фразы: массовое сознание; общественное мнение; гражданское общество; демократические процессы и ценности; плюралистическое общество; масс-медиа; манипуляция общественным мнением; односторонний коммуникативный режим; агрегирование общественного мнения.

Валерий Викторович Серкин

Кафедра рекламы и связей с общественностью

Астраханский государственный университет

elena_gu@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ[©]

Хотелось бы начать статью с хрестоматийного эпизода всемирной истории XX века. Во времена Великой депрессии в Америке президент Франклин Рузвельт за 12 лет своей работы более 300 раз садился к микрофону и начинал очередной эфир обращением: «Друзья мои...». Его выступления по радио стали символом открытого общения власти и граждан в тяжелейшее время перемен. Едва администрации Рузвельта пришлось столкнуться с очередным вызовом - будь то массовая безработица или начало Второй мировой войны - как харизматический голос президента звучал в домах по всей стране: глава государства объяснял соотечественникам, что лежит на весах.

Насколько действенным был этот новаторский по тем временам политический прием можно судить не только по перечню преодоленных американским истеблишментом при максимальной поддержке всей нации кризисов, но и по нынешнему отношению граждан США к личности и деятельности Франклина Рузвельта. В связи с этим напрашивается аналогия: Россия последние два десятилетия попала в период, насыщенный вызовами и кризисами, который во многом напоминает 1920-1930-е гг. рузвельтовской Америки. Логично в ходе такого сопоставления задаться вопросом: а как будут оцениваться (и уже оцениваются) нынешние действия российской власти в массовом сознании и вообще, какую роль играет общественное мнение в формировании реальной политики нынешней России?

В свое время Франклин Рузвельт эффективно, насколько мог, воздействовал на общественное мнение. Этим он как бы напоминал американским гражданам, что активность гражданского общества необходима не только для закрепления демократических традиций. Это была демонстрация того, что не только страна остается под надзором и покровительством государства, но и «вертикаль власти» подконтрольна основному субъекту политики - массовому электорату.

Итак, в данной статье в очередной раз рассматривается проблема взаимодействия общественного мнения и верхних властных эшелонов. В основном, анализируется ситуация, определяемая демократическим (реальным или декларируемым) контекстом. Ставятся и освещаются такие вопросы как роль общественного мнения и его учет при определении стратегии проводимых в России реформ; корреляция демократических процессов в новейшей России и восприятия демократических ценностей российским массовым сознанием.

Еще со времен основоположников теории либеральной демократии проблема места общественного мнения в оптимальном демократическом устройстве постоянно была в фокусе полемики. Можно вспомнить о том, как в противовес выводам Т. Гоббса Дж. Локк предлагал следующую тройственную конфигурацию: законы божественные, гражданские и общественное мнение [3, с. 355]. Первый член триады эквивалентен естественному праву. Второй установлен государством и потому обладает вполне выраженной искусственностью. Третий же обладает всеми признаками «естественности»: «Хотя люди, соединяясь в политические общества, отказываются в пользу государства от права располагать всей своею силою, так что не могут пользоваться ею против своих сограждан больше, чем позволяют законы страны, однако они все же сохраняют право быть хорошего или дурного мнения о действиях людей, среди которых живут и с которыми общаются, одобрять или не одобрять эти действия» [Там же, с. 356]. Из этого следует, что высшая, законодательная власть поставлена в зависимость от общественного мнения. Власти исполнительная (внутриполитическая) и федеративная (интегральная внешнеполитическая), в свою очередь, подчинены законодательной власти, а тем самым и общественному мнению, хотя для баланса могут и должны сдерживать и контролировать разрушительные устремления частных интересов и мнений. Отсюда, в целом, возникает сложная функциональная структура, способная к рациональной организации.

О том, что общественное мнение может служить значимым ориентиром облеченному властью политику, прямо говорил, но уже в реалиях XIX века, Алексис де Токвиль. «Когда каждому предоставляется право

управлять обществом, нужно, следовательно, и признавать за ним способность делать правильный выбор в ряду различных мнений, волнующих его соотечественников, и давать правильную оценку происходящим событиям, знание которых может послужить руководством в его деятельности» [7, с. 149]. Другими словами, политик, обладающий властью, обязан быть в курсе циркулирующих в обществе точек зрения, хорошо в них ориентироваться, стремиться увязывать свои действия с тем вектором общественных ожиданий, который рассчитывается в ходе анализа спектра мнений.

Прошлый век был невероятно богат как на практически осуществленные демократические модели, так и на предлагаемые теоретические наработки. В ряду бесчисленных формулировок о месте и роли общественного мнения в демократическом государстве хотелось бы выделить следующую. Демократия - открытое и плюралистическое общество, в котором можно выражать несовместимые взгляды и бороться за достижение конфликтующих целей, где каждый свободен критиковать предложения других, а политика правительства меняется под влиянием критики [10, р. 21]. Ключевым словом здесь, думается, следует считать понятие «критика». Полемика, свобода отстаивать публично любые, даже резко отличные от почти всеми разделяемых взгляды - признак плюралистического общества. Но тут важно и то, что необходимым условием такого «открытого» общества названо влияние критики (надо думать, снизу) на действия правительства.

Имеет смысл обратиться к толкованию самого понятия «общественное мнение», которое претерпело пусть и незначительную, но хорошо прослеженную эволюцию. Сейчас чаще всего под общественным мнением понимается то, что люди думают по тому или иному поводу. Выясняется общественное мнение путем опросов, включая опросы по социологически разработанным методам, а также путем выслушивания и чтения того, что люди говорят и пишут независимо от специальных опросов.

Общественное мнение не является полностью стихийным. Оно формируется и манипулируется какими-то силами общества. Оно используется в чьих-то расчетах, то есть играет роль фактора социальной борьбы. Оно не есть всего лишь сумма мнений отдельных людей. Оно есть результат взаимной информации и обмена мнениями, то есть нечто единое, согласованное. Оно действует не автоматически одним лишь фактором публичности. Оно имеет механизм своего формирования и влияния на ход событий. В наше время решающая роль в этом механизме принадлежит масс-медиа. Само исследование общественного мнения в конкретных случаях есть элемент механизма его формирования, а предание гласности результатов исследования есть элемент механизма его воздействия на общество в желаемом для кого-то духе. Каков бы ни был механизм общественного мнения и как бы оно ни использовалось, оно есть элемент гражданского общества. Оно плюралистично как по многообразию частей, так и по многообразию и изменчивости позиций [1, с. 262].

Обратимся, однако, к политическим реалиям современной России. Далеко не все, что происходит в Кремле и Доме правительства, становится достоянием общественности. Но этот случай (видимо, вполне типичный) дошел до публики. Совсем недавно, в разгар кризиса, первый вице-премьер И. Шувалов и министр Т. Голикова проводили серию совещаний по широкому спектру социальной проблематики. На них приглашались ведущие специалисты профильных ведомств и институтов, профессиональные эксперты. Но результаты совещаний были минимизированы тем, что их участникам катастрофически не хватало объективной информации о невыплатах зарплат бюджетникам и работникам частного сектора, а также о масштабах увольнений и акций протеста. А в отсутствии такой информации специалисты не смогли дать правительству каких-либо рекомендаций [5]. Не в этом ли кроется причина невнятности и спорадичности многих реформ и проектов (в том числе и национальных), скромности и спорности достижений на этих путях? В таком одностороннем коммуникативном режиме, когда даже эксперты лишены возможности давать непредвзятые оценки, выявлять и исправлять ошибки, намечать оптимальную корректировку почти невозможно. Этот пример, как и многие подобные, рассыпанные по различным публикациям в СМИ, подтверждают сентенцию, что нынешняя конфигурация публичного пространства не слишком способствует развитию серьезных общественных дискуссий по всему комплексу проблем, определяющих параметры новой российской макрополитической идентичности.

Часть политологов объясняют такое положение вещей тем, что в течение 2000-х российская бюрократия сумела сохранить свои позиции главного субъекта всех активных политических действий. Сформировалась самодостаточная и самовоспроизводящаяся политико-административная система, ставшая тормозом демократического и социально-экономического развития страны. «Сформировавшаяся “партия власти” выстроила “вертикаль”, лишенную так называемой защиты от дурака, а каналы политической коммуникации оказались закрытыми для прохождения импульсов снизу. Роль оппозиции была превентивно сведена к нулю, партийная система - отягощена мощным, но достаточно аморфным, управляемым “центром”, партийные фланги - избыточно идеологизированы, но слабо представлены в публичном пространстве» [4]. Ситуацию можно в корне переломить, если произвести разворот к широкому общественному диалогу, к реальной демократии, к тому, что В. Третьяков образно назвал «реверсивной демократией», т.е. к постепенному «размораживанию политических процессов и гражданских инициатив, свернутых отчасти в годы правления В. Путина» [8, с. 104].

Объективный взгляд на затронутые в данной статье проблемы не позволяет однозначно констатировать затухание взаимодействия власти и таких непререкаемых институтов демократии как гражданское общество и общественное мнение. К сожалению, параметры нашего обзора не позволяют охватить все аспекты названных процессов, но совершенно очевидно, что на некоторых направлениях замечен существенный прогресс, а какие-то «камни преткновения» на проверку оказываются надуманными.

Почти уже создан своего рода стереотип о том, что В. Путин не терпит никакого давления, ничего похожего на рекомендации и подсказки ни со стороны иностранных «партнеров», ни из лагеря отечественных политических акторов. Но можно вспомнить немало фактов, опровергающих этот стереотип. В частности, главной причиной выбора президентом В. Путиным в 2007-м Д. Медведева, которая, как утверждают, перевесила все остальные, называют то, что именно Дмитрий Анатольевич прочно удерживал первое место по популярности в среде простых россиян по данным буквально всех социологов. И если до судьбоносного момента окончательного выбора двух кандидатов в преемники в равных пропорциях предъявляли все электронные СМИ, на деле же С. Иванов по многим рейтингам не дотягивал даже до второго места [9]. И если это так, то надо признать (зная, какие гигантские полномочия получает по Конституции российский президент), что Владимир Владимирович одно из самых исторических решений сделал, как минимум, с оглядкой на ожидания общества. Именно В. Путин стал инициатором создания Общественной палаты, которая главной своей функцией должна была иметь агрегирование общественного мнения по всем жизненно важным для страны и нации вопросам.

Совсем свежи еще в памяти бурные дебаты о судьбе Химкинского леса, строительстве «Охта-центра» в Санкт-Петербурге, о новых школьных стандартах, о памятнике Петру I в столице, о выносе тела Ленина из Мавзолея и т.д. Именно активность общества, самых разных его страт заставила высшие структуры власти пойти почти по всем вопросам на те или иные уступки. Одно лишь при этом бросает тень на эти позитивные подвижки: сигнал к полемике, ее ход и окончательный вердикт всегда исходит либо от президента, либо от премьер-министра. «Пока это страна, в которой формально третье лицо в политической иерархии государства может прийти к формально второму лицу и предложить ему отменить презумпцию невиновности для определенной категории граждан. И формально второе лицо может ответить: “Надо подумать”» [2]. Да, пока это страна, где доминируют, чуть ли не на генетическом уровне, две сверхидеологии - единобожия и единовластия. И до тех пор пока властная структура будет напрямую или исподволь эксплуатировать эту особенность нашего менталитета, рано говорить о серьезном, реальном усилении институтов и ростков гражданского общества.

Из года в год опросы общественного мнения в России дают неутешительные (по некоторым пунктам) для сторонников демократического выбора результаты. Вот и проведенные в январе 2011 года «Левада-центром» срезы показали, что 56% респондентов отдают предпочтение порядку в ущерб демократии. Вполне убедительный аргумент для тех политиков, которым необходимо оправдать замедление (или стагнацию?) демократической эволюции в нашей стране. Но те же охваченные упомянутым опросом наши сограждане, а именно 51% из них, вполне в духе гражданского общества согласились, что «Россия сейчас нуждается не в укреплении власти, а в том, чтобы власть была поставлена под контроль общества» [6]. И не следует сразу же усматривать в таком разбросе мнений явный парадокс, отсутствие логики и сбой мышления россиян. Уже не раз отечественные социологи и аналитики отмечали различную трактовку понятия «порядок» у разных страт российского общества. Если элиты, как правило, сводят его к укреплению «вертикали власти» и усилению контроля за всеми сферами жизни общества, то массовое сознание все больше тяготеет к «встраиванию» в этот емкий вербальный символ таких смыслов как обуздание монополистов и олигархов, строгий контроль за деятельностью и порядочностью бюрократии, реальную борьбу с криминальным беспределом и т.п.

Подведем некоторые итоги. Построенная в 2000-е «вертикаль власти» - это управляемость внутри самой бюрократической корпорации при отсутствии нормально функционирующих каналов связи с обществом. Расхожим стало выражение, что власть сегодня действует сама по себе, а общество живет само по себе. Для перехода от управления подчиненными чиновниками к управлению социальными процессами необходимо укрепление институтов гражданского общества и смена режима административного монолога на равноправный демократический диалог с обществом.

Единственным средством противодействия этой тенденции самовозрастания и «изоляциялизма» бюрократии является постоянный и действенный контроль извне. Внешний контроль за деятельностью государственных структур может осуществляться со стороны «НЕ-государства», т.е. общества, граждан. На сегодняшний день наиболее эффективной формой такого контроля являются периодически проводимые выборы и связанное с ними обязательство чиновников поддерживать с гражданами контакты. Но этого недостаточно для полноценного взаимодействия масс и верхов. Многоканальный обмен оценками, мнениями и предложениями на открытом политическом поле должен не только вывести из стагнации демократические процессы, но и существенно продвинуть Россию по пути модернизации - этого поддержанного всеми слоями общества движения в мир жизненных стандартов XXI века.

Список литературы

1. **Зиновьев А. А.** Запад. М.: Алгоритм; Эксмо, 2007. 512 с.
2. **Коновалов А.** Головы одной птицы // Огонек. 2011. № 17. 2 мая.
3. **Локк Дж.** Избранные философские произведения: в 2-х т. М., 1960. Т. 1. 498 с.
4. **Никовская Л. И.** Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса // Полис. 2009. № 6.
5. **Пастухов В.** Россия, которая нам снится // Аргументы недели. 2009. 22 января.
6. **Сергеева Л.** Порядок или демократия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения 22.04.2011).
7. **Токвиль А.** Демократия в Америке. М.: Прогресс-Литера, 1994. 554 с.
8. **Третьяков В.** Наука быть Россией. Наши национальные интересы и пути их реализации. М., 2007.
9. **Тульский М.** Знакомые новые лица // Аргументы недели. 2007. 13 декабря.
10. **Popper K.** The Open Society and its Enemies. N.Y., 1945.

PUBLIC OPINION IN THE CONTEXT OF DEMOCRATIC PROCESSES IN RUSSIA**Valerii Viktorovich Serkin***Department of Advertising and Public Relations
Astrakhan' State University
elena_gu@mail.ru*

The author considers the problem of the interaction of public opinion and higher echelons of power, analyzes the situation determined by democratic context and covers such questions as public opinion role and taking it into account while choosing the strategy of the reforms conducted in Russia and the correlation of the democratic processes in the newest Russia and the perception of democratic values by the Russian mass consciousness.

Key words and phrases: mass consciousness; public opinion; civil society; democratic processes and values; pluralistic society; mass media; public opinion manipulation; unidirectional communicative mode; public opinion aggregation.

УДК 34С.5(С17)С39

Основное внимание в статье автор акцентирует на деятельности Главного управления по делам военнопленных и интернированных как составной части советской исправительно-трудовой системы в годы Великой Отечественной войны и послевоенного десятилетия. Статья характеризует основные направления деятельности данного ведомства.

Ключевые слова и фразы: Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ); исправительно-трудовые учреждения; военнопленные; трудовое использование военнопленных; медицинское обслуживание военнопленных; лагеря, спецгоспитали для военнопленных.

Елена Александровна Сипакова*Кафедра истории, методики преподавания истории и обществознания
Оренбургский государственный педагогический университет
sipakova_elena@mail.ru***О МЕСТЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
В СИСТЕМЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА. 1941-1953 ГГ.)[©]**

На протяжении длительного промежутка времени изучение системы исправительно-трудовых учреждений Советского Союза являлось прерогативой силовых ведомств и оставалось закрытым не только для широкого круга общественности, но и для исследователей. Между тем, система учреждений, призванных обеспечивать изоляцию, наказание и исправление преступников, выступает одним из наиболее важных социальных институтов. Очевидно, что современные проблемы ее функционирования имеют глубокие исторические корни и их решение невозможно без объективного учета опыта прошлого, отразившего как этапы развития, так и элементы преемственности и консервации ряда черт.

Система исправительно-трудовых учреждений Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и послевоенного десятилетия - явление крайне сложное и противоречивое. Являясь составной частью карательных органов, она сыграла большую роль в утверждении тоталитарного режима и осуществлении государственной репрессивной политики.

Долгое время символом государственного террора, с легкой руки А. И. Солженицына, стал «ГУЛАГ» (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения), но мало кто знает, что у ГУЛАГа был «родной брат» - ГУПВИ (Главное Управление по делам военнопленных и интернированных) - особо секретное учреждение, документы которого также длительное время оставались недоступными для специалистов.

Управление по делам военнопленных и интернированных было образовано 19 сентября 1939 года как одно из ведомств в составе Народного комиссариата внутренних дел. На него возлагались функции по организации приемных пунктов и лагерей, приему и эвакуации военнопленных, их содержанию, трудовому использованию и проведению с ними политико-воспитательной работы. Следует отметить, что Советский Союз не ратифицировал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1929 г., а взамен ей 1 июля 1941 г. Совнарком СССР утвердил «Положение о военнопленных», основные пункты которого соответствовали нормам международного гуманитарного права об обращении с военнопленными. В «Положении» были прописаны условия содержания, правовое положение, трудовое устройство, уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных за неисполнение приказов [8].